

Оноре де Бальзак

Пьер Грассу

Оглавление

Пьер Грассу

Подполковнику артиллерии Периола — в знак искреннего уважения автора.

Бальзак

Всякий раз, когда вы посещаете выставку живописи и ваения, устроенную на новый лад, — как это вошло в обычай после революции 1830 года, — не охватывает ли вас чувство растерянности, уныния и скуки при виде длинных, загроможденных галерей? С 1830 года Салона больше не существует. Лувр был вторично взят приступом художниками; и они там утвердились. В прежнее время, выставляя действительно избранные произведения искусства, Салон пользовался высоким уважением. Среди двухсот отобранных картин публика еще раз производила выбор, и неведомые руки венчали лаврами лучшее произведение. Вокруг картин разгорались страстные споры. Оскорбления, которыми осыпали Делакруа и Энгра, способствовали их известности не менее, чем славословия фанатичных приверженцев. Ныне вокруг произведений, выставленных на этом художественном базаре, не разгораются страсти ни посетителей, ни критики. Зрителям самим приходится заниматься отбором, который прежде был возложен на жюри, и этот труд утомляет их; когда же выбор сделан, выставка закрывается. До 1817 года принятые картины развешивались не далее двух первых колонн длинной галереи старых мастеров, а в нынешнем году они, к немалому изумлению публики, заполнили всю галерею.

Исторический жанр, жанр в узком смысле этого слова, станковая живопись, пейзаж, натюрморт, анималистическая живопись и акварельная — по всем этим семи видам живописи вряд ли следует выставлять более чем по двадцати картин, достойных обозрения публики, которой трудно сосредоточить внимание на большем количестве произведений. По мере увеличения числа художников жюри становилось более взыскательным. Но все было потеряно, как только Салон захватил всю галерею. Салону следовало бы занимать одну и ту же раз и навсегда установленную площадь, где все виды живописи были бы представлены лучшими произведениями. Десятилетний опыт доказал преимущество прежнего принципа отбора. Теперь вместо поединка перед вами свалка: вместо торжественной выставки — беспорядочный базар, вместо отобранного — все целиком. И что же? Истинный художник здесь только проигрывает. «Турецкая кофейня», «Дети у фонтана», «Казнь на крючьях», «Иосиф» Декана, выставленные в большом Салоне вместе с сотней лучших картин этого года, больше принесли бы ему славы, нежели двадцать его полотен, затерявшихся среди трех тысяч картин, занявших шесть галерей. И как ни странно, с тех пор как двери открылись для всех, повсюду заговорили о непризнанных гениях. Двенадцать лет назад, когда «Куртизанка» Энгра и «Куртизанка» Сигалона, «Медуза» Жерико, «Резня на острове Хиос» Делакруа, «Крещение Генриха IV» Эжена Девериа получили признание знаменитостей — строгих ревнителей искусства и возвестили миру, вопреки неодобрительным отзывам критики, о существовании молодых дарований, не раздалось ни одной жалобы. Теперь же, когда любой мазилка может свободно выставить свою работу, только и разговоров что о не оцененных талантах. Там, где нет отбора, нет и вещей отборных. Как бы там ни было, художники вернуться к старому порядку испытания, когда их творчество рекомендуют восторженному вниманию публики, для которой они работают. Без отбора Академии не будет Салона, а без Салона искусство может погибнуть.

С тех пор как каталог выставки стал объемистой книгой, в нем появилось множество имен никому не ведомых, хотя за ними и следует перечень десяти — двенадцати картин. Пожалуй, самое малоизвестное среди них — имя Пьера Грассу, живописца, приехавшего из Фужера, которого в кругу художников запросто зовут Фужером; теперь он уже занял прочное место под солнцем, и это наводит на горькие размышления, которыми и начинается рассказ о его жизни, похожей на жизнь многих других из племени художников.

В 1832 году Фужер жил на улице Наваррен, на пятом этаже одного из тех высоких и узких домов, похожих на Луксорский обелиск, в которых тесный вход почти тотчас переходит в крутую темную лестницу; на каждом этаже у них — не более трех окон, сзади расположен двор, говоря точнее — квадратный колодец. Над квартирой в три или четыре комнаты,

занимаемой Грассу из Фужера, была расположена его мастерская с видом на Монмартр. Стены мастерской красно-бурого цвета, тщательно окрашенный натертый пол, простая, но опрятная кушетка, как в спальне лавочницы, на стульях — коврики с каймой: все говорило о бережливости и расчетливой жизни человека ограниченного и небогатого. Здесь стоял комод для хранения принадлежностей живописной мастерской, обеденный стол, буфет, секретер и лежали инструменты, необходимые художнику; все содержалось в чистоте и порядке. Изразцовая печь дополняла картину голландского уюта, еще более заметного при ровном свете зимнего солнца, заливавшего просторную комнату ясными холодными лучами. Фужеру, художнику-жанристу, не нужны были огромные сооружения, разоряющие живописцев исторического жанра; он не чувствовал в себе достаточных способностей для больших полотен и довольствовался станковой живописью. Однажды (это было в начале декабря, в пору, когда французские буржуа периодически страдают манией увековечивать свои и без того всем наскучившие физиономии) Пьер Грассу встал рано, растер краски, затопил печь и принялся есть хлебец, макая его в молоко; он не брался за работу, ожидая, пока оттают окна и свет проникнет в комнату. Была прекрасная сухая погода. Жуя хлеб с тем покорным и смиренным видом, который говорит о многом, художник услышал на лестнице шаги человека, игравшего в его жизни ту роль, какую обычно играют люди подобного рода в жизни всякого художника. То был Элиас Магус, торговец картинами, ростовщик от живописи. Элиас Магус застал художника в ту минуту, когда тот готовился приступить к работе в своей чистенькой мастерской.

— Как поживаете, старый плут? — обратился к нему Грассу, стараясь подделаться под фамильярный тон художников.

Фужер был награжден орденом, Элиас платил ему за картины по двести — триста франков.

— Торговля идет плохо, — ответил Элиас. — Все вы очень уж много о себе мните. На картине красок на шесть су, а вам подавай за нее двести франков... Но вы — добрый малый, вы — человек порядочный, и я пришел предложить вам славное дельце.

— *Timeo Danaos et dona ferentes*¹ ответил Фужер. — Вы знаете латынь?

— Нет.

— Так вот, это означает, что греки никогда не предлагали хороших дел троянцам без выгоды для себя... Некогда они говорили: «Возьмите моего коня!» Ныне мы говорим: «Возьмите моего медведя!» Что же вы хотите, Улисс-Лаженголь-Элиас Магус?²

Эти слова дают представление о беззлобном остроумии Фужера и о шутках, имевших хождение в мастерских художников.

— Не скрою, вам придется сделать для меня даром две картины.

— Ого!

— Ну как хотите... я не требую... Вы честный художник.

— Но в чем дело?

— Я приведу к вам отца, мать и единственную дочь...

— Все единственные в своем роде?

— Вот именно. И надо написать их портреты. Эти почтенные буржуа без ума от

¹ Боюсь данайцев и дары приносящих (*лат.*).

² Некогда они говорили: «Возьмите моего коня!» Ныне мы говорим: «Возьмите моего медведя!» Что же вы хотите, Улисс-Лаженголь-Элиас Магус? — Приведенные несколько выше слова Грассу: «Боюсь данайцев и дары приносящих» — принадлежат троянскому жрецу Лаокоону (из «Энеиды» Вергилия), призывавшему соотечественников остерегаться огромного деревянного коня, оставленного греками (данайцами) у стен Трои. Отсюда смысл выражения «Возьмите моего коня». Выражение «Возьмите моего медведя» взято из водевиля Скриба и Сентина «Медведь и Паша». Хитрость с конем, внутри которого были спрятаны воины, придумал Одиссей (Улисс): слова о медведе принадлежат Лаженголю, действующему лицу водевиля. Поэтому Грассу и называет Элиаса Магуса «Улисс-Лаженголь».

искусства, но никогда еще они не отваживались войти в мастерскую. За дочкой сто тысяч франков приданого. Возьмитесь-ка да и напишите их портреты... Быть может, они станут вашими фамильными портретами.

Здесь этот старый немецкий чурбан, по имени Элиас Магус, почему-то слыvuщий человеком, оборвал свою речь и разразился дребезжащим смехом, который неприятно поразил художника: ему показалось, что он слышит Мефистофеля, рассуждающего о браке.

— За каждый портрет вам заплатят по пятьсот франков, — вам следовало бы сделать для меня три картины.

— Ну еще бы! — весело проговорил художник.

— А женитесь на дочери — не забудьте меня...

— Женюсь? Я?.. — вскричал Пьер Грассу. Я, привыкший спать один, вставать рано, вести правильный образ жизни...

— Сто тысяч франков, — возразил Магус, — и вдобавок приятная девица вся в золотистых тонах: чистейший Тициан.

— А кто они, эти люди?

— В прошлом — торговцы, теперь же — любители искусства; у них загородный дом в Виль д'Авре и от десяти до двенадцати тысяч франков годового дохода.

— А чем они торговали?

— Бутылками...

— Не произносите этого слова... Я так и слышу, как режут ножом пробки... У меня зубы ноют во рту.

— Так что ж, приводить их?

— Три портрета! Я выставлю их в Салоне... Может быть, стану портретистом... Ну ладно, приводите...

Элиас отправился за семейством Вервель. Чтобы понять, в какой мере его предложение могло заинтересовать художника и какое впечатление должна была произвести на него достопочтенная чета Вервель и единственная их дочь, необходимо бросить взгляд на прошлую жизнь Пьера Грассу из Фужера.

В годы ученичества Фужер изучал рисунок у Сервена, считавшегося в академических кругах замечательным рисовальщиком. Затем он перешел к Шиннеру, надеясь постичь тайну сочного, великолепного колорита, которым владел этот мастер. Но и учитель, и его ученики отличались скрытностью, — Пьеру ничего не удалось выведать. Отсюда Фужер переключался в мастерскую Сомервье, чтобы приобрести навыки в искусстве композиции; однако и композиция не далась ему. Потом он попытался вырвать у Гране, у Дроллинга тайну очарования их интерьеров: у этих мастеров ему тоже не удалось ничего похитить. В конце концов Фужер завершил свое образование у художника Дюваль-Лекамю. Все годы обучения, переходя от одного живописца к другому, Фужер отличался столь невозмутимым и уравновешенным нравом, что над ним насмеялись во всех мастерских, где он побывал, но повсюду он обезоруживал своих сотоварищей скромностью, терпением и кротостью ягненка. Учителя не чувствовали расположения к этому славному малому: крупные художники любят людей блестящих, умы своеобразные, занимательные, пылкие или же мрачные и сосредоточенные, предвещающие будущее дарование. А в Грассу все говорило о посредственности. Само его прозвище — Фужер, которое носит художник в пьесе д'Эглантина, давало повод ко многим издевательствам, но бедняга в силу обстоятельств предпочел принять имя своего родного города: уж очень фамилия Грассу³ была под стать его внешности. Он был пухленький и приземистый, с бесцветным лицом, глаза у него были карие, волосы черные, нос утиный, большой рот и оттопыренные уши. Кроткое, добродушное и покорное выражение мало облагораживало его дышавшее здоровьем, но не энергичное лицо. Такую натуру наверняка не терзали ни бурные страсти, ни мятежные мысли, ни чувство

³ Грассу — от фр. gras — жирный.

иронии — свойства великих художников. Этот молодой человек был рожден для жизни добродетельного буржуа; в Париж он приехал, намереваясь поступить приказчиком к торговцу красками, уроженцу Майенны и дальнему родственнику д'Оржемонов; но из упрямства, свойственного бретонцам, сделался художником. Одному богу известно, сколько он выстрадал, как приходилось ему жить в годы ученичества! Он страдал подобно тому, как страдают великие люди, когда их душит нищета и, словно диких зверей, травит свора людей посредственных и толпа завистливых честолюбцев.

Как только Фужер решил, что у него окрепли крылья, он снял мастерскую на улице Мартир и с жаром принялся за работу. Грассу дебютировал в 1819 году. На первой картине, которую он представил жюри выставки в Лувре, была изображена деревенская свадьба, довольно жалко скопированная с картины Грёза. Полотно не приняли. Узнав о роковом решении, Фужер не впал в ярость от уязвленного самолюбия, подобно людям высокомерным, которые иной раз способны в порыве гнева вызвать на дуэль директора или секретаря музея, а то и пригрозить им расправой. Он спокойно забрал картину, завернул ее в платок, принес в свою мастерскую и дал себе клятву стать великим художником. Грассу поставил картину на станок и отправился к своему бывшему учителю Шиннеру, человеку мягкому и уравновешенному, художнику огромного дарования, имевшему бурный успех на последней выставке в Салоне. Фужер попросил его указать недостатки отвергнутого произведения. Великий художник бросил все дела и пришел к нему в мастерскую. Но когда бедняга подвел его к картине, Шиннер, едва бросив на нее взгляд, схватил Грассу за руку.

— Ты славный малый, у тебя золотое сердце, обманывать тебя нельзя. Так вот, слушай: все, что ты обещал в мастерской, — ты выполнил. Но когда из-под кисти художника выходят такие... штуки, лучше не брать красок у Брюллона и не отнимать холста у других. Вернись нынче домой пораньше, надень ночной колпак, ляг спать в девять часов вечера, а поутру отправляйся к десяти часам в какую-нибудь канцелярию искать себе место; а искусство оставь.

— Друг мой, — ответил Фужер, — картина моя уже осуждена. Я хотел бы услышать не приговор, а его основания.

— Хорошо. Колорит у тебя тусклый, ты видишь натуру в темных тонах; рисунок у тебя тяжелый, расплывчатый; твоя композиция — подражание Грёзу, но он искупал свои слабые стороны такими достоинствами, каких у тебя нет.

Разбирая недостатки картины, Шиннер заметил на лице Фужера выражение глубокой печали; он повел его обедать и постарался утешить, как мог.

На следующий день с семи часов утра Фужер снова работал над отвергнутой картиной; он оживил краски, внес поправки, подсказанные Шиннером, подправил лица. Но затем он почувствовал отвращение к этой подмалевке и отнес картину к Элиасу Магусу. Элиас Магус, весьма своеобразная помесь голландца, бельгийца и фламандца, имел тройное основание стать тем, кем он и стал, — богатым скрягой. В то время он приехал в Париж из Бордо и занялся торговлей картинами на бульваре Бон-Нувель. Фужер, который зарабатывал себе на жизнь своей кистью, стойко питался хлебом и орехами, хлебом и молоком, хлебом и вишнями или хлебом и сыром — смотря по сезону. Когда Грассу принес Элиасу Магусу свою первую картину, тот долго приглядывался к ней и предложил художнику пятнадцать франков.

— При заработке пятнадцать франков в год и расходах в тысячу франков, — сказал Фужер, улыбаясь, — далеко пойдешь...

Элиас Магус досадливо поморщился. Он мысленно выругал себя, сообразив, что мог бы получить картину за пять франков. Несколько дней подряд Фужер каждое утро спускался по улице Мартир, останавливался против лавки Магуса на противоположной стороне бульвара и, прячась в толпе, пристально смотрел на свою картину, не привлекавшую ничьих взглядов. В конце недели картина исчезла. Фужер перешел бульвар и, как бы прогуливаясь, направился к лавке Магуса. Элиас стоял на пороге.

— Я вижу, моя картина продана?

— Вот она, — ответил Магус, — я хочу вставить ее в раму, тогда можно будет

предложить ее кому-нибудь, кто мнит себя знатоком живописи.

Фужер не решался больше появляться на бульваре. Он начал писать новую картину и два месяца работал над ней, питаясь, как мышь, и работая, как каторжник.

Однажды вечером он все же пришел на бульвар, и ноги сами привели его к лавке Магуса; картины нигде не было.

— Я продал вашу картину, — сказал торговец художнику.

— За сколько?

— Вернул свое с небольшой прибылью. Сделайте для меня фламандские интерьеры, урок анатомии, пейзаж. В цене сойдемся, — добавил Элиас.

Фужер едва не схватил его в объятия. Он посмотрел на торговца, как на отца родного. С радостью в сердце Грассу вернулся домой. Значит, великий художник Шиннер ошибся: в огромном Париже нашлись родственные Грассу души, его дарование поняли и оценили. Бедный малый был в двадцать семь лет простодушен, как шестнадцатилетний юнец. Окажись на его месте другой — недоверчивый и подозрительный художник, от него не ускользнуло бы сатанинское выражение, промелькнувшее в глазах Элиаса Магуса, он заметил бы, как вздрагивала его борода, иронически топорщились усы и подергивались плечи, — ни дать ни взять иудей в романе Вальтера Скотта, надувающий христианина.

Фужер прошелся по бульвару, радость придавала его лицу горделивое выражение. Он был похож на лицеиста, который завел любовницу. Он встретил своего сотоварища Жозефа Бридо, одного из тех своеобразных талантов, которым суждено изведать и славу, и несчастье. Бридо заявил, что у него бренчат деньги в кармане, и повел Фужера в Оперу. Но тот не видел балета, не слышал музыки — он обдумывал картины, он творил. В середине представления Грассу покинул Жозефа Бридо и побежал домой писать эскизы при свете лампы; он придумал тридцать подражательных картин, он поверил в свою гениальность. На следующий день он накупил красок, холстов различного размера, положил на стол хлеб, сыр, наполнил кувшин водой, запасся дровами для печки; затем принялся, по выражению художников, корпеть над картинами; у него были кое-какие модели, а Магус одолжил ему ткани. После двухмесячного затворничества бретонец закончил четыре картины. Он вновь обратился за советом к Шиннеру, призвал на помощь и Бридо.

Оба художника нашли, что три его картины — рабское подражание голландским пейзажам, интерьерам Метсу, а четвертая — копия «Урока анатомии» Рембрандта.

— Опять списки, — заметил Шиннер. — Ах, Фужер, нелегко тебе найти собственное лицо...

— Брось живопись, займись другим делом, — посоветовал Бридо.

— Но чем же?

— Попробуй силы в литературе...

Фужер повесил голову, как овца под дождем. Но затем, порасспросив друзей и получив несколько полезных указаний, он подправил кое-где картины и отнес их Элиасу Магусу. Тот заплатил ему по двадцать пять франков за каждую. Фужер ничего не заработал, но благодаря крайне скромному образу жизни не остался и в убытке.

Время от времени он ходил смотреть, что случилось с его картинами, и однажды оказался во власти какой-то странной галлюцинации. Его картины, аккуратно выписанные, гладкие, жесткие на взгляд, как листовое железо, и блестящие, как живопись по фарфору, словно подернулись туманом и стали похожи на полотна старых мастеров. Элиас куда-то отлучился, и Фужеру не удалось добиться разгадки этого странного явления. Он решил, что ему все почудилось, и вернулся к себе в мастерскую писать новые подражания старым картинам. После семилетнего упорного труда Фужер сносно овладел композицией и писал не хуже других второстепенных художников. Элиас покупал и перепродавал все картины бедняги бретонца. Пьер Грассу с трудом зарабатывал сотню луидоров в год и расходовал не больше тысячи двухсот франков.

При организации выставки в 1829 году Леон де Лора, Шиннер и Бридо — все трое пользовались в ту пору большим влиянием в мире искусства и возглавляли тогдашнюю

живопись — настояли из жалости к своему старому приятелю, так упорно работавшему и прозябавшему в бедности, чтобы картина его была принята на выставку; произведение повесили в Салоне. Эта картина, производившая большое впечатление и проникнутая чувством, подобно картинам Виньерона, была написана в ранней манере Дюбюфа. На ней изображен молодой человек, которому в тюрьме выбривают затылок. По одну сторону от него — священник, по другую — старуха и молодая женщина в слезах. Судейский писец читает какую-то гербовую бумагу. На грубом столе — нетронутая еда. Сквозь высоко прорезанное окно с железной решеткой падает луч света. Картина способна была вызвать трепет у буржуа, и буржуа содрогались. Между тем Фужер просто-напросто позаимствовал сюжет известной картины Герарда Доу «Женщина, больная водянкой», но он повернул группу к окну, вместо того чтобы показать ее с лица, заменил умирающую осужденным, сохранив тот же взгляд, ту же бледность, тот же призыв к богу; вместо врача-фламандца он написал холодную, сухую фигуру судейского писца в черном. Возле молодой девушки из группы Герарда Доу он нарисовал еще и старуху; наконец, среди других лиц выделялась жестокая и вместе с тем благодушная физиономия палача. Никто не обнаружил ловко скрытого плагиата. В каталоге значилось:

510. Грассу из Фужера (Пьер), улица Наваррен. 2. Последние часы шуана, приговоренного к смерти в 1809 году.

Эта посредственная картина имела шумный успех, ибо напоминала о деле мортаньских «поджаривателей»⁴. Каждый день перед этим модным произведением толпились посетители выставки; как-то раз перед ним остановился Карл X. Герцогиня Беррийская, узнав, как трудно живется бедному бретонцу, преисполнилась к нему сочувствием. Герцог Орлеанский осведомился о стоимости картины. Духовенство высказало супруге дофина свое мнение, заверив, что картина проникнута благочестивым настроением. И действительно, религиозное чувство окрашивало ее вполне достаточно. Его высочество дофин пришел в восхищение от слоя пыли на плитах пола — грубейшая ошибка, ибо Фужер разбросал зеленоватые тона, свидетельствовавшие о сырости у основания стен. Герцогиня Беррийская приобрела картину за тысячу франков, дофин заказал художнику другую. Карл X пожаловал орденом сына бретонского крестьянина, сражавшегося за дело короля в 1799 году. Великий художник Жозеф Бридо не был награжден. Министр внутренних дел заказал Фужеру две картины на религиозные темы.

Выставка 1829 года положила начало жизненному благополучию, славе, будущности Пьера Грассу. В любой области создавать — значит медленно сгорать; копировать — значит прозябать. Напав наконец на золотую жилу, Грассу подтвердил своим успехом то жестокое правило, благодаря которому во всех слоях общества процветают жалкие посредственности, получившие право избирать по своему вкусу выдающихся людей; они, понятно, избирают себе подобных и ведут ожесточенную войну с подлинными талантами. Применять ко всему избирательный принцип неверно. Франция от этого откажется. Тем не менее скромность, простота, изумление доброго и кроткого Фужера заставили умолкнуть ропот зависти и обиды. Кроме того, за него были все Грассу, уже преуспевшие, сочувствующие Грассу выдвигающимся. Некоторых трогала энергия человека, которого ничто не могло обескуражить, и, вспоминая о Доменикино, они говорили: «В искусстве следует поощрять усердие! Грассу честно заслужил свой успех! Бедняга уже десять лет трудится в поте лица!» Слова «бедняга» и «в поте лица» были подоплекой доброй половины всех одобрений и поздравлений, которые получил художник. Жалость так же помогает посредственности подняться, как зависть старается принизить великих художников. Газеты не поскупились на

⁴ «Поджариватели». — Так называли во Франции разбойничьи шайки, связанные с роялистами, действовавшие в провинции в конце XVIII — начале XIX в. «Поджариватели» пытали захваченных людей на медленном огне, требуя указать, где те хранят деньги.

критику, но новоиспеченный кавалер ордена Почетного легиона перенес ее с той же ангельской кротостью, с какой переносил советы друзей. Сколотив к тому времени упорным трудом пятнадцать тысяч франков, Грассу обставил свою квартиру и мастерскую на улице Наваррен, написал картину для его высочества дофина и две картины, заказанные министром, выполнив их к сроку с точностью, мало приятной для кассы министерства, привыкшей к проволочкам. Как не позавидовать счастью людей аккуратных! Опоздай Грассу, он ничего не получил бы: вскоре произошла Июльская революция! К тридцати семи годам Фужер написал для Элиаса Магуса около двухсот никому не известных картин; в работе над ними он набил руку и приобрел сносную манеру выполнения, заставляющую художника пожимать плечами, но столь любезную сердцу буржуа. Друзья ценили Фужера за прямоту взглядов, за постоянство чувств, безотказную услужливость и честность. Они не уважали его как художника, но любили как человека. «Как жаль, — говорили они, — что у Фужера пристрастие к живописи!» Тем не менее Грассу давал очень дельные советы, подобно тем фельетонистам, которые сами не способны написать ни одной книги, но прекрасно знают, чем грешит чужая. Однако между Фужером и литературными критиками было одно существенное различие: он был в высокой степени чувствителен к красоте, умел ее видеть, в его советах всегда было чувство меры и справедливости, поэтому к его мнению прислушивались.

После Июльской революции Фужер посылал на каждую выставку с десяток картин, из которых жюри принимало четыре или пять. Он вел скромный образ жизни и держал только одну служанку. Он не знал иных развлечений, кроме посещения друзей и осмотра произведений искусства; иногда он разрешал себе небольшие поездки по Франции; собирался даже поехать в Швейцарию, чтобы найти там источники вдохновения. Этот никудышный художник был отменным гражданином: он нес караул в национальной гвардии, являлся на смотры, платил за квартиру и за все свои покупки с аккуратностью самого добропорядочного буржуа. Жизнь его протекала в трудах и заботах, и у него никогда не было досуга для любви. Грассу был холост и небогат и не собирался усложнять женитьбой свое несложное существование. Он не был способен изобрести какой-либо способ приумножать свои капиталы и каждые три месяца относил нотариусу Кардо весь заработок и сбережения. Когда на текущем счету Грассу накапливалась тысяча экю, нотариус помещал их под первую закладную с ограничением прав жены, если закладчик был женат, или с ограничением прав продажи, если закладчику предстояло произвести какие-нибудь платежи. Нотариус сам взимал проценты и присоединял их к тем взносам, которые время от времени делал ему Грассу из Фужера. Художник с нетерпением ожидал того вожделенного дня, когда его вложения начнут приносить кругленькую сумму в две тысячи франков годового дохода и он сможет позволить себе *otium sum dignitate*⁵ художника; тогда он будет писать картины; но какие картины! Картины настоящие! Картины законченные, из ряда вон выходящие, потрясающие, сногшибательные! Хотите ли вы знать его мечты о счастье, о будущем, предел его упований? Стать членом Академии, получить офицерский крест ордена Почетного легиона, сидеть рядом с Шиннером и Леоном де Лора, пройти в Академию раньше Бридо. Офицерская орденская ленточка в петлице! Какие мечты! Только посредственность умеет думать обо всем этом!..

Заслышав шаги на лестнице, Фужер взбил хохол, застегнул бархатную куртку зеленовато-бутылочного цвета и к немалому удивлению увидел просунувшуюся в дверь мастерской физиономию того типа, который художники называют в насмешку арбузом. Сей плод возвышался над пузатой тыквой, облеченной в синий суконный сюртук, украшенный связкой позвякивающих брелоков. Арбуз тяжело отдувался, тыква выступала на ногах, напомилавших брюквы. Настоящий художник создал бы именно такой шарж на этого торговца бутылками и немедленно выставил бы его за дверь, заявив, что овощей он не рисует. Но Фужер не рассмеялся при виде заказчика: на манишке г-на Вервеля сверкал бриллиант ценой в тысячу экю.

⁵ Заслуженный отдых (*лат.*).

Взглянув на Магуса, Фужер пробормотал: «Жирный кусочек».

Услышав это выражение, принятое в среде художников, Вервель нахмурился. Сей торговец вел за собой другие сорта овощей в лице своей супруги и дочери. Физиономия супруги была «отделана под красное дерево», а вся она походила на кокосовый орех, перехваченный поясом и увенчаный головкой. Она катилась на круглых ножках, одетая в желтое платье с черными полосами, и горделиво выставляла напоказ экстравагантные митенки, обтягивавшие ее руки, вздутые, словно перчатки на вывесках. На шляпе ее колыхались страусовые перья, обычно украшающие катафалк на торжественных похоронах; на пышные шарообразные плечи ниспадали спереди и сзади кружевные оборки; таким образом, сферические контуры кокосового ореха были выдержаны полностью. Ее ноги — художники называют такие ноги колодами — выпирали пухлыми складками из лакированных полусапожек. Как эти ноги влезли в башмаки — уму непостижимо!

Следом выступала молодая спаржа в зеленовато-желтом платье; у нее была маленькая головка с гладко уложенными волосами морковно-желтого цвета, столь излюбленного римлянами, веснушки на довольно белой коже, большие невинные глаза с белесыми ресницами и жиденькими бровями, добродетельные красные и жилистые руки и ноги, как у матери; ее шляпка из итальянской соломки, обшитая белой атласной ленточкой, была украшена двумя наивными шелковыми бантами. Пока все трое осматривали мастерскую, на их счастливых лицах было написано почтительное восхищение искусством.

— Так это вы, сударь, сделаете наши изображения? — спросил отец, напыжившись для храбрости.

— Да, сударь, — ответил Грассу.

— Вервель, у него крест, — шепнула супруга, когда художник повернулся спиной.

— Разве я стал бы заказывать портреты художнику, не удостоенному награды?.. — произнес бывший торговец бутылками.

Элиас Магус откланялся и вышел; Грассу проводил его до лестничной площадки.

— Только вы способны выудить таких головастиков!

— Сто тысяч франков приданого!

— Да, но что за семейка!

— Виды на наследство в триста тысяч франков, дом на улице Бушера и загородный дом в Виль д'Авре.

— Бушера, будущность, бутылки, — бубнил художник.

— Вы будете обеспечены до конца дней своих, — сказал Элиас.

Эта мысль сверкнула в голове Пьера Грассу подобно лучу света, озарявшего поутру его мансарду. Усаживая отца молодой особы, художник уже находил, что у него приятная внешность, и даже залюбовался буйными красками его лица. Мать и дочь порхали вокруг художника, восторгались его приготовлениями, — он им казался полубогом. Их нескрываемое восхищение льстило Фужеру: на эту семью падал волшебный отблеск золотого тельца.

— Вы, должно быть, зарабатываете бешеные деньги? Но и тратите их, верно, так же легко, как зарабатываете, — проговорила г-жа Вервель.

— Нет, сударыня, — ответил художник, — я не трачу их, у меня нет возможности развлекаться; нотариус пускает в оборот мои деньги и ведает моим счетом; отдав ему деньги, я о них уже больше не думаю.

— А мне... мне говорили, что у всех художников — дырявые карманы! — вскричал Вервель.

— Не будет нескромным спросить, кто ваш нотариус? — полюбопытствовала г-жа Вервель.

— Славный малый, воплощенная честность — Кардо.

— Да что вы! Вот потеха! Кардо ведь и наш нотариус! — воскликнул Вервель.

— Не двигайтесь, — сказал художник.

— Да сиди же спокойно, Антенор, ты мешаешь господину художнику, а если бы ты

видел, как он работает, ты понял бы...

— Боже мой! Почему вы не обучали меня искусствам? — обратилась Виржини к своим родителям.

— Виржини! — вскричала г-жа Вервель. — Молодая девица не должна знать некоторых вещей. Вот выйдешь замуж... там видно будет! А до тех пор веди себя скромнее!

За время первого сеанса между семейством Вервель и почтенным художником установилась некоторая близость. Следующий сеанс должен был состояться через два дня. Выйдя из мастерской, родители велели Виржини идти впереди, но она все же уловила отдельные слова, смысл которых не мог не возбудить ее любопытства.

Человек с орденом... тридцать семь лет... художник, имеет заказы, помещает деньги у нашего нотариуса... Посоветуемся с Кардо?.. Называться госпожой де Фужер. Гм? Он, видимо, неплохой человек... Ты скажешь — торговец... Но пока торговец не удалился от дел, нельзя знать, что станет с нашей дочерью! А бережливый художник... К тому же мы любим искусство... Ну, посмотрим!..

Пока Пьер Грассу занимал мысли семьи Вервель, семья Вервель занимала мысли Пьера Грассу. Ему не сиделось в тихой мастерской, он отправился побродить по бульвару и внимательно приглядывался ко всем проходившим мимо рыжим женщинам. Он предавался странным размышлениям: золото — самый прекрасный металл, желтый цвет — цвет золота, римлянам нравились рыжеволосые женщины, он уподобился римлянам и т.д... Какой мужчина после двухлетнего супружества обращает внимание на цвет волос своей жены... Красота проходит, но безобразие остается... Деньги — залог счастья. Вечером, ложась в постель, он уже находил Виржини Вервель очаровательной.

Когда Вервели явились на следующий сеанс, художник встретил их любезной улыбкой. Злодей подстриг бороду, причесался к лицу, надел тонкое крахмальное белье, лучшие панталоны и красные домашние туфли с острыми загнутыми носками. Супруги улыбнулись ему в ответ не менее любезно, а Виржини зарделась под цвет своих волос, опустила глаза и, отвернувшись, принялась разглядывать этюды. Это жеманство показалось Грассу очаровательным. Виржини была мила и, к счастью, не походила ни на мать, ни на отца. В кого же она пошла?

«А, вот оно что! — решил художник. — Мамаша, верно, заглядывалась на какого-нибудь приказчика».

Во время сеанса Грассу и семейство Вервель перебрасывались шутками, и Фужер отважился найти старика Вервель остроумным. После этого признания в его сердце стремительно ворвалась симпатия ко всему семейству, и он преподнес Виржини один из своих набросков, а матери подарил эскиз.

— Даром? — спросили они.

Грассу не удержался от улыбки.

— Не следует так раздавать свои картины: это деньги, — заметил Вервель.

На третьем сеансе папаша Вервель заговорил о замечательном собрании картин в его загородном доме в Виль д'Авре: там есть полотна Рубенса, Герарда Доу, Мириса, Терборха, Рембрандта, Пауля Поттера и даже один Тициан.

— Господин Вервель совершал безумства, — напыщенно заявила г-жа Вервель, — у нас картин на сто тысяч экю.

— Я люблю искусство, — заявил бывший торговец бутылками.

Когда Фужер, почти закончив портрет супруга, начал писать портрет г-жи Вервель, восторг семейства не знал уже границ. Нотариус отозвался о художнике с лучшей стороны. В его глазах Пьер Грассу был честнейшим малым, одним из наиболее добропорядочных художников, вдобавок он уже скопил тридцать шесть тысяч франков. Время лишений для него миновало, он зарабатывал до десяти тысяч франков в год, обращал проценты в капитал и, самое главное, уж конечно, не способен сделать женщину несчастной. Последняя фраза окончательно перетянула чашу весов. Теперь друзья семейства Вервель только и слышали разговоры о знаменитом Фужере. В день, когда Грассу принялся писать портрет Виржини, он

уже был *in petto*⁶ зятем семьи Вервель. Вервели буквально расцветали в его мастерской, они чувствовали себя здесь, как дома. Их неизъяснимо влекла к себе эта чистенькая, прибранная, уютная мастерская художника. *Abyssus abyssum*⁷, буржуа тянется к буржуа. Однажды к концу сеанса на лестнице что-то загромыхало, дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился Жозеф Бридо. У него был крайне возбужденный и измученный вид; волосы были растрепаны, глаза метали молнии. Он обежал вокруг мастерской и внезапно подскочил к Грассу, тщетно пытаясь застегнуть сюртук: пуговица выпала из суконной обтяжки.

— Дела плохи! — бросил он Грассу.

— Что с тобой?

— За мной по пятам кредиторы... Слушай, ты рисуешь эти... штуки?

— Да тише, ты!

— А-а, так так!

Семейство Вервель, безмерно возмущенное этим странным вторжением, сменило свой обычно красный цвет на ярко-багровые тона пламени.

— Деньги загребаешь? — закричал Бридо. — Завелись кругленькие в кошельке?

— Сколько тебе нужно?

— Пятьсот... За мной гонится заимодавец из породы догов — такой, если вцепится зубами, уж не отпустит, не оторвав куска... Такая порода!

— Я дам тебе записку к моему нотариусу.

— У тебя есть нотариус?

— Да.

— Тогда понятно, что ты все еще пишешь щеки этими розовыми тонами... До чего хороши!.. Хоть на вывеску парфюмерной лавки.

Грассу не мог скрыть смущения: ему позировала Виржини.

— Бери натуру такой, какова она есть, — продолжал великий художник. — Мадмуазель — рыжая. Ну что ж, разве это смертный грех? В живописи все великолепно. Положи-ка на палитру киноварь, оживи эти щеки, разбросай по ним коричневые крапинки, а здесь — подмажь маслом! Неужели ты думаешь, что у тебя больше разума, чем у природы?

— Вот что, — предложил Фужер, — займи мое место, покамест я напишу нотариусу.

Вервель подкатился к Грассу и наклонился к его уху.

— Этот грубиян все как есть испортит, — зашептал торговец.

— Согласись только он написать вашу Виржини, портрет вышел бы в тысячу раз лучше, — с негодованием ответил Фужер.

Услышав эти слова, г-н Вервель смиренно попятился к своей супруге, ошеломленный вторжением дикого зверя и весьма мало довольный тем, что тот приложит руку к портрету его дочери.

— Следуй намеченному, — сказал Бридо, отдавая Грассу палитру и беря у него записку. — Ну, я тебя не благодарю! Теперь я могу вернуться в особняк д'Артеза — я там расписываю столовую, а Леон де Лора занимается украшением входа. Здорово выходит! Приходи посмотреть...

И он ушел не попрощавшись, так наскучило ему глядеть на Виржини.

— Кто этот человек? — спросила г-жа Вервель.

— Великий художник, — ответил Грассу.

Минуту длилось молчание.

— Вы уверены, что он не испортил моего портрета? — спросила Виржини. — Он меня напугал.

— Он его только улучшил! — ответил Грассу.

⁶ Втайне, негласно (*ит.*).

⁷ Бездна бездну (призывает) (*лат.*).

— Пусть он и знаменитый художник, но мне больше по сердцу знаменитости, похожие на вас, — промолвила г-жа Вервель.

— Ах, мама, господин Фужер еще более знаменитый художник. Он нарисует меня во весь рост, — заявила Виржини.

Выходки гения ошеломили этих добропорядочных буржуа...

Наступили дни ранней осени, так своеобразно называемой летом святого Мартина. Робко, как новопосвященный в присутствии гения, г-н Вервель решился пригласить Грассу провести воскресный день в их загородном доме, извиняясь, что художник найдет там лишь общество простых смертных, мало привлекательное для него.

— Вам, артистам, — проговорил он, — нужны сильные переживания, грандиозные зрелища, умные собеседники! Но мы угостим вас хорошим винцом; а моя картинная галерея, надеюсь, вознаградит вас за скуку, которую такому художнику, как вы, придется испытать среди торговых людей.

Это преклонение, столь ласкавшее самолюбие, очаровало Пьера Грассу, не привыкшего к подобным восхвалениям. Этот славный малый, золотое сердце, человек скромной жизни, этот посредственный художник, бесталанный рисовальщик, награжденный по королевскому указу орденом Почетного легиона, в полном параде отправился насладиться последними погожими деньками в Виль д'Авре. Он скромно приехал в дилижансе и залюбовался красивым загородным домом торговца бутылками, живописно расположенным посреди парка в пять арпанов на возвышенности Виль д'Авре. Жениться на Виржини значило стать в один прекрасный день владельцем этого дома! Вервели встретили его так восторженно, с такой радостью, сияя таким добродушием, проникнутым откровенной мещанской глупостью, что он даже смутился. То был торжественный день. Жениха водили по аллеям цвета нанки, старательно расчищенным по случаю приезда знаменитого человека. Деревья, казалось, были причесаны, газоны подстрижены. В чистом деревенском воздухе разливались живительные кухонные запахи. Все в этом доме говорило: «Нас посетил знаменитый художник». Низенький папаша Вервель катился, как яблочко, по аллеям парка, дочка извивалась, как угорь, а мамаша выступала чинно и благородно. Эти три существа семь часов кряду ни на минуту не отходили от Пьера Грассу. После обеда, продолжительность которого равнялась его пышности, г-н и г-жа Вервель преподнесли главное угощение — осмотр галереи, освещенной выигрышно развешанными лампами. Трое соседей, бывшие торговцы, богатый дядюшка, приглашенные чествовать знаменитого художника, старая дева, родственница семьи, и другие гости последовали за Грассу, любопытствуя узнать его мнение о знаменитой картинной галерее Вервеля, который надоедал им постоянными разговорами о баснословной стоимости своих картин. Бывший торговец бутылками, казалось, вознамерился соперничать с королем Луи-Филиппом и галереями Версаля. Картины у него висели в великолепных рамах; на маленьких дощечках черными буквами по золотому фону было выведено:

РУБЕНС

Танец фавнов и нимф

РЕМБРАНДТ

Зал анатомии.

Доктор Тромб читает лекцию ученикам

Всего насчитывалось сто пятьдесят картин, покрытых лаком, без единой пылинки; кое-какие полотна были задернуты зелеными занавесками, которые не раздвигались в присутствии молодых девиц.

Художник замер на месте, бессильно уронив руки, разинув рот, не в силах выговорить ни слова: половину галереи занимали его собственные картины. Он был и Рубенс, и Пауль Поттер, и Мирис, и Метсу, и Герард Доу! Он совмещал в своем лице двадцать великих мастеров!

— Что с вами? Вы побледнели! Дочка, принеси воды! — вскричала г-жа Вервель.

Художник схватил папашу Вервеля за пуговицу фрака и отвел в уголок под предлогом осмотра картины Мурильо; в то время испанские художники были в моде.

— Вы купили картины у Элиаса Магуса?

— Да, и все — подлинники!

— Скажите мне по секрету, за сколько он продал вам те, которые я укажу?

Вдвоем они обошли галерею. Гости умилялись, глядя, как внимательно художник в сопровождении г-на Вервеля рассматривал шедевры искусства.

— Три тысячи франков, — шепнул Вервель, подходя к последней картине. — Но я говорю всем, что заплатил сорок тысяч.

— Сорок тысяч франков за Тициана! — воскликнул художник. — Да ведь это даром!

— Я же говорил вам, что у меня картин на сто тысяч экю!

— Послушайте, да ведь это я написал все эти картины, — шепнул ему на ухо Пьер Грассу. — И получил за все не более десяти тысяч франков.

— Докажите это, — ответил торговец бутылками, и я увеличу вдвое приданое дочери: значит, вы — Рубенс, Рембрандт, Терборх, Тициан!

— А Магус — несравненный продавец картин! — воскликнул художник; ему наконец стало понятно, почему его картины приобретали старинный вид и зачем торговец заказывал такие сюжеты.

Отнюдь не потеряв уважения своего почитателя, г-н де Фужер, — так семья Вервель упорно величала Пьера Грассу, — проявил такую щедрость, что написал бесплатно портреты всего семейства и преподнес их своему тестю, теще и жене.

Ныне Пьер Грассу не пропускает ни одной выставки и слывет в буржуазных кругах хорошим портретистом. Он портит холста на пятьсот франков и зарабатывает тысяч двенадцать в год. Жена его получила в приданое капитал, который приносит шесть тысяч франков ренты; зять живет вместе с тестем и тещей. Вервели и Грассу прекрасно ладят друг с другом, они имеют собственный выезд и принадлежат к числу самых счастливых людей на свете. Пьер Грассу вращается в замкнутом буржуазном кругу, где его считают одним из крупнейших художников нашего времени. И если кому-либо из живущих между заставой дю Трон и улицей Тампль приходит желание обзавестись фамильным портретом, его заказывают не иначе как Пьеру Грассу и платят не меньше пятисот франков. У буржуа есть веский довод, побуждающий их обращаться именно к этому художнику: «Что ни говори, а он ежегодно вносит двадцать тысяч франков своему нотариусу!» Так как Грассу проявил себя с лучшей стороны во время восстания 12 мая⁸, он был награжден офицерским крестом ордена Почетного легиона и теперь командует батальоном национальной гвардии. Версальскому музею было неудобно не поручить заказа на картину столь благонамеренному гражданину; и Грассу нарочно разгуливал по всему Парижу, чтобы при встречах со старыми друзьями бросить им с небрежным видом: «Король поручил мне написать сражение!»

Госпожа Фужер обожает своего мужа, она подарила ему двоих детей. Но этот живописец, хороший супруг и отец, не может отогнать от себя роковой мысли: художники насмеются над ним, его имя стало в мастерских презрительной кличкой, критика не занимается его произведениями. Однако он упорно работает, мечтает об Академии и, несомненно, попадет туда. Кроме того, Грассу облегчает душу мщением особого рода: он скупает картины знаменитых художников, оказавшихся в стесненных обстоятельствах, и заменяет свою мазню в галерее Виль д'Авре чужими, но подлинными шедеврами.

Мы знаем бездарных людей куда более заносчивых и злобных, чем Пьер Грассу, который занимается благотворительностью, не выставляя этого напоказ, и отличается безукоризненной любезностью.

Париж, декабрь 1839 г.

⁸ ...во время восстания 12 мая... — Речь идет о восстании против правительства Луи-Филиппа, поднятом тайным республиканским «Обществом времен года» в Париже 12 мая 1839 г.